

Степфордские жены

Автор:

[Айра Левин](#)

Степфордские жены

Айра Левин

Эксклюзивная классика (АСТ)

Для Джоанны, ее мужа Уолтера и их детей переезд в живописный Степфорд – событие слишком чудесное, чтобы быть правдой. Все женщины здесь – идеальные жены и матери, которые целиком посвящают себя семье и хлопотам по хозяйству. И пока они доводят до совершенства быт, их мужья каждый вечер собираются в таинственной Ассоциации мужчин. Удивлению Джоанны нет предела, когда из старых газет она узнает, что раньше в Степфорде существовал и Женский клуб, причем большая часть местных домохозяек были его активистками и разделяли феминистические взгляды. А сейчас за идиллическим фасадом тихого городка происходит нечто странное...

Роман дважды экранизировался в Голливуде – первая версия вышла в 1975 году, а в 2004 году была снята комедийная версия с Николь Кидман в главной роли.

Айра Левин

Степфордские жены

Сегодня борьба принимает иную форму; вместо желания сковать мужчину по рукам и ногам женщина стремится скрыться от него; она уже не ищет способов затянуть его в имманентные миры, а желает показать ему себя, озаренной светом превосходства. То, как реагируют на это мужчины, порождает теперь новый конфликт: мужчина отпускает ее от себя, причем делает это с фальшивой учтивостью.

Симона де Бовуар. «Второй пол»

Ira Levin

THE STEPFORD WIVES

© Ira Levin, 1972, renewed 2000

© Перевод. Ю. Вейсберг, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Один

Женщине, которая вручала подарки вновь прибывшим, было явно за шестьдесят, но даже и без очков было видно, как много стараний прикладывает она, чтобы выглядеть моложе (рыжеватые волосы, пурпурные губы, ярко-желтое платье). Ослепив Джоанну блеском глаз и зубов, она сказала:

– Не сомневаюсь, вам здесь очень понравится! Прекрасный городок, прекрасные люди! Лучшего места не найти!

За плечами у нее болтался огромный рюкзак из коричневой кожи, потертый от долгого ношения. Порывшись в нем, она извлекла и протянула Джоанне пакетики с сухими суповыми заправками и прохладительным напитком «просто добавь воды», коробочку экологически безвредного стирального порошка, брошюрку с перечнем товаров, на которые объявлены скидки в двадцати двух местных магазинах, два кусочка мыла и упаковку косметических салфеток...

– Все-все, хватит, – взмолилась Джоанна, стоя на пороге и обеими руками прижимая к себе только что полученные дары. – Все, все. Спасибо.

Дама-дарительница положила поверх кучи подарков флакончик одеколona и снова нырнула в свой рюкзак. Не обращая внимания на протестующие возгласы Джоанны, она извлекла из него солнцезащитные очки в розовой оправе и небольшой блокнот в пестрой обложке.

– Я веду раздел «Сведения о вновь прибывших», – с улыбкой объявила она, надевая очки. – Для «Кроникл».

Дама сунула руку в рюкзак почти по самое плечо, вытащила из него авторучку и большим пальцем (ноготь ярко покрашен) нажала на колпачок.

Джоанна рассказала ей, откуда они с мужем приехали, кем и в какой фирме работал Уолтер, назвала имена детей, Пита и Ким, и сколько им лет; поведала, чем занималась до их рождения, а также сообщила, в каком колледже они с Уолтером учились. Рассказывая все это, она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, стоя с охапкой подарков перед входной дверью и не слыша, что Пит и Ким вытворяют в доме.

– У вас есть хобби или какие-нибудь особые интересы?

Джоанна, желая поскорее освободиться от докучливой собеседницы, уже открыла рот, чтобы произнести «Нет!», но заколебалась: обстоятельный ответ на этот вопрос, напечатанный в местной газете, может послужить сигналом, приманкой для женщин, имеющих сходные интересы, с которыми она могла бы впоследствии подружиться. Жившие по соседству женщины, с которыми она встречалась в последние несколько дней, производили приятное впечатление и относились к ней по-дружески. Однако они, похоже, были всецело поглощены домашними делами. Возможно, когда она узнает их получше, то найдет в них благородные мысли и далеко идущие устремления, а значит, целесообразно будет уже сейчас подать им некий условный сигнал. Поэтому она ответила:

– Да, кое-что есть. Я не упускаю случая поиграть в теннис, к тому же серьезно, можно даже сказать, почти на профессиональном уровне занимаюсь фотографией...

– О-о-о? – воскликнула дама-дарительница, водя ручкой по листу блокнота.

– Понимаете, – пояснила Джоанна, улыбаясь, – одно информационное агентство использовало три моих снимка. Кроме этого, я проявляю интерес к политике и движению за равноправие женщин. Причем очень активно. Мой муж полностью разделяет мои взгляды.

– Что вы говорите! – Дама-дарительница взглянула на нее с нескрываемым удивлением.

– Да, – заверила ее Джоанна. – Многие мужчины придерживаются подобных взглядов.

Джоанна не стала распространяться насчет преимуществ, которые приносит участие обоих полов в феминизации общества; вместо этого она склонила голову в сторону входной двери и прислушалась: из гостиной слышался смех – по телевизору передавали какое-то шоу, – и Пит с Ким спорили, но не так горячо, как обычно бывает перед рукопашной.

– А муж интересуется греблей и футболом, – добавила она и улыбнулась даме-дарительнице. – Кроме того, он коллекционирует акты раннего американского законодательства.

Сказав это, она как бы подала условный сигнал и от Уолтера.

Дама-дарительница записала и это, после чего закрыла блокнот и, нажав большим пальцем на стержень, привела авторучку в нерабочее состояние.

– Прекрасно, миссис Эберхарт, – сказала она и, улыбаясь, сняла солнцезащитные очки. – Я больше чем уверена, что вам понравится жить здесь, и от всего сердца хочу сказать вам: «Добро пожаловать в Степфорд». Если вам понадобится информация о местных магазинах и услугах, пожалуйста, без всякого стеснения звоните мне. Номер моего телефона вы найдете на первой странице брошюры с перечнем товаров, продающихся со скидкой.

– Благодарю вас, я непременно позвоню, – пообещала Джоанна. – И спасибо вам за подарки.

– Пользуйтесь ими, у них длительный срок хранения, так что – пригодятся! – воскликнула дама-дарительница и, повернувшись на каблуках, добавила: – До свидания, всего хорошего!

Тепло простившись, Джоанна долго смотрела ей вслед, пока дама спускалась вниз по извилистой дорожке к своему потрепанному «Фольксвагену». Внезапно за стеклами машины появились собаки – черные и коричневые возбужденные спаниели; они прыгали внутри салона, лаяли, прижимаясь мордами и лапами к стеклам. Вдруг внимание Джоанны привлекло какое-то белое пятно, возникшее из-за корпуса «Фольксвагена» на противоположной стороне улицы, сквозь листву молодых деревьев, растущих вдоль домов. Это белое пятно покрыло сначала одну половину из окон дома семьи Клейбруков, а затем появилось и на другой половине.

«Наверное, в доме моют окна. – подумала Джоанна. – Возможно, Донна Клейбрук видит меня сейчас». И на всякий случай улыбнулась.

С поразительным ревом «Фольксваген» сорвался с места, чиркнув боковинами шин по бордюру, а Джоанна, пятась, вошла в прихожую и движением бедра закрыла дверь за собой.

Пит и Ким спорили, стараясь перекричать друг друга:

– Поносник! Засранец!

– Что? А ну отвали!

– Немедленно прекратите! – приказала Джоанна, сваливая кучу подарков на кухонный стол.

– Она лягается! – подскочил с жалобами Пит.

– Не ври, засранец! – протестующе закричала Ким.

– Прекратите немедленно, – повторила Джоанна, обращаясь в основном к Ким, и, подойдя к кухонному проему посмотрела на то, что происходит в гостиной. Пит лежал на полу, почти уткнувшись носом в телевизор; Ким, вся раскрасневшаяся

и возбужденная, стояла рядом с ним, с трудом сдерживаясь, чтобы не лягаться. Оба были еще в пижамах.

- Она два раза лягнула меня, - снова принялся за свое Пит.

- А зачем ты переключил канал? - закричала Ким. - Он переключил телевизор на другой канал.

- Я не переключал.

- Врешь, переключил, я смотрела «Кот Феликс»! А ты переключил!

- Тихо! - скомандовала Джоанна. - Замолчите немедленно! Никаких разговоров, полная тишина!

Дети посмотрели на нее; Ким - огромными голубыми глазами Уолтера, Пит ее - темно-карими.

- Спешите к месту посадки! - раздался крик из телевизора. - Ожидается отключение электричества!

- Во-первых, вы расположились слишком близко от экрана, - сказала Джоанна. - Во-вторых, выключите телевизор. В-третьих, немедленно одевайтесь, оба, слышите? Это зеленое вещество снаружи - трава, а желтое вещество, излучаемое на нее сверху, - солнечный свет.

Пит поднялся на ноги, щелкнул пультом управления, после чего на экране возникла постепенно затухающая световая точка. Ким расплакалась.

Джоанна, ворча на детей, прошла по гостиной.

Наклонившись над Ким, она обняла ее за плечи, погладила через ткань пижамы спинку и поцеловала шелковые завитки волос на шейке.

- Ну ладно, ладно, - успокаивала она дочь. - Неужели ты не хочешь снова поиграть с хорошей девочкой Эллисон? Может быть, вам опять посчастливится увидеть бурундука.

Пит подошел к матери и поправил прядь волос, выбившуюся из прически. Она взглянула на него и сказала:

- Не переключай каналы, когда она смотрит телевизор.

- Не беспокойся, не буду, - ответил он, накручивая на палец прядь темных волос.

- А ты не лягайся, - сказала она Ким, снова потеряв ей спинку и пытаясь поцеловать щечку девочки, которую та, изогнувшись, отстранила от материнских губ.

* * *

Уолтер мыл посуду, поскольку сегодня была его очередь заниматься этим. Дети спокойно играли в комнате Пита, поэтому Джоанна смогла быстро помыться под холодным душем, надеть шорты, футболку, теннисные туфли и причесаться. Укладывая волосы в жгут, она бросила быстрый взгляд на детей: они сидели на полу и играли с космической станцией Пита.

Стараясь не шуметь, Джоанна вышла из комнаты и стала спускаться по лестнице, устланной новой ковровой дорожкой. С распаковкой вещей наконец было покончено, а у нее самой есть теперь несколько минут - десять, а если повезет, то и все пятнадцать, - чтобы посидеть на воздухе с Уолтером и посмотреть на их деревья и участок земли размером в два и два десятых акра.

Спустившись по лестнице, Джоанна прошла через коридор. В кухне было чисто, как в операционной. Глухо рокотала посудомоечная машина. Уолтер, стоя у раковины, склонился к окну и наблюдал за тем, что творилось в стоящем напротив доме семейства Ван Сентов. Его рубашка, местами взмокшая от пота, подошла бы для теста Роршаха[1 - Герман Роршах (1884-1922) - швейцарский психиатр, разработавший систему личностных психологических тестов («Тесты Роршаха»), направленных на изучение характера, способностей и потребностей организма. Метод Роршаха основан на толковании ассоциаций, которые вызывали у испытуемого чернильные пятна определенной формы и цвета. Возможно, Джоанне пришла на ум повесть Рэя Брэдбери «Рубашка с тестами Роршаха».] - отчетливо различался кролик с опавшими ушами. Уолтер обернулся и с улыбкой подошел к ней.

- Ты давно здесь? - спросил он, вытирая руки о кухонное полотенце.

- Только что вошла, - ответила она.

- Ты выглядишь так, как будто заново родилась.

- Именно такой я себя и ощущаю. Дети играют, как два ангела. Давай выйдем на воздух.

- Конечно, - согласился он, складывая полотенце. - Только через несколько минут. Мне нужно потолковать с Тедом. - Он повесил полотенце на крюк. - Поэтому-то я и смотрел на их окна, - пояснил он. - Они только что отобедали.

- И о чем ты хочешь говорить с ним? Они направились во внутренний дворик.

- Я как раз собирался сказать тебе, - начал он, поддерживая ее под руку. - Я передумал и решил вступить в Ассоциацию мужчин.

Она остановилась и внимательно посмотрела на него.

- Там уделяется внимание стольким важным проблемам, что не участвовать в их решении было бы неразумно, - начал он. - Вопросы политики на местном уровне, мероприятия, связанные с благотворительностью...

- Ну как ты можешь вступить в такую устаревшую, старомодную...

- Я уже говорил кое с кем из мужчин, которых встретил в поезде. С Тедом, с Виком Ставросом и еще с несколькими мужчинами, с которыми они меня познакомили. Большинство согласны, что не допускать женщин к участию в делах - это пережиток. - Он снова взял ее под руку, и они пошли дальше. - Однако единственный способ изменить существующее положение - это действовать изнутри. И я намерен поспособствовать этому. В субботу вечером я вступаю в Ассоциацию. Тед кратко обрисует мне, чем занимаются комитеты. - Он предложил ей сигарету: - Будешь курить перед сном?

- Конечно закурю, - ответила она и протянула руку за сигаретой.

Они стояли в дальнем уголке внутреннего дворика, окутанные прохладным голубоватым сумраком; отовсюду слышался стрекот кузнечиков. Уолтер чиркнул зажигалкой, поднес пламя к сигарете Джоанны, а затем зажег и свою.

- Взгляни на небо. Его вид оправдывает каждый уплаченный нами пенни.

Она подняла голову – небо было розовато-лиловым, голубым и синим. Великолепно... Затем, опустив голову, Джоанна посмотрела на огонек своей сигареты.

- Каким это образом организации могут подвергнуться изменениям изнутри? – спросила она. – Ведь ты подаешь заявление, ты вступаешь, у тебя появляются обязанности...

- Пойми, изменить изнутри намного легче, – прервал ее Уолтер. – Увидишь, если и остальные мужчины такие же, как те, которых я знаю, то очень скоро Ассоциация преобразится и станет Всеобщей ассоциацией. Игра в покер между смешанными парами. Занятие сексом на столах для игры в пул.

- Если бы мужчины, с которыми ты говорил, были типичными представителями этой Ассоциации, – сказала Джоанна, – то она давно стала бы всеобщей. Ну да ладно, делай, что решил, – вступай. А я подумаю над лозунгами для плакатов. Когда у детей начнутся занятия в школе, у меня будет уйма времени.

Он обнял ее за плечи:

- Потерпи немного. Если в течение шести месяцев она не будет открыта для женщин, я выйду из нее и мы предпримем что-нибудь вдвоем. Плечом к плечу. «Секс – да! Сексизм[2 - Дискриминация по половому признаку, в данном случае дискриминация женщин.] – нет!»

- Степфорд не вписывается в общепринятые рамки, – сказала Джоанна и потянулась к пепельнице, стоящей на обеденном столике.

- Так это и не плохо.

- Посмотрим, вот когда я по-настоящему возьмусь за дело...

Они докурили и теперь стояли, держась за руки и устремив взгляды на широкий простирающийся вдаль газон, на высоченные деревья, черные силуэты которых пронзали розовато-лиловое небо, выделяясь на его фоне. Между деревьев проглядывали огоньки: это были освещенные окна домов, расположенных на Харвест-лейн, соседней улице.

– Роберт Эндрю прав, – сказала Джоанна. – Меня притягивает это место.

Уолтер внимательно посмотрел на фасад дома Ван Сентов и перевел взгляд на циферблат ручных часов.

– Пожалуй, пойду помоюсь, – он поцеловал Джоанну в щеку.

Она повернулась к нему и, взяв его лицо в свои ладони, прильнула губами к его губам.

– Я побуду здесь еще немного, – проговорила Джоанна. – Прикрикни на детей, если они разойдутся.

– Конечно, – пообещал он и направился в дом через дверь, ведущую в гостиную.

Джоанна потерла руки – вечерняя прохлада давала о себе знать. Закрыв глаза, она отклонилась назад и вдохнула полные легкие воздуха, пахнущего травой, деревьями и чистотой: великолепно. Потом открыла глаза и посмотрела на крохотную блестящую точку в темно-синем небе; на звезду, находящуюся от нее на многие триллионы миль.

– Звездочка светлая, звездочка ранняя[3 - Строчка из известной детской песенки «Сияй, мигай, звездочка» («Twinkle, Twinkle, Little Star»)], – задумчиво промолвила Джоанна.

Она не стала продолжать эту детскую песенку-присказку для загадывания желаний, но мысленно представила себе звезду.

Джоанна загадала, чтобы их жизнь в Степфорде была счастливой. Чтобы у Пита и Ким не было проблем с успеваемостью в школе, чтобы они с Уолтером нашли хороших друзей и их надежды сбылись. Чтобы он, в конце концов, примирился с

переездом сюда – хотя мысль о переезде всецело принадлежала ему. Чтобы жизнь всех четверых стала содержательнее и богаче, а не оскудела, чего она опасалась, уезжая из города – грязного, перенаселенного, криминального, но вместе с тем бурлящего жизнью.

Ее внимание привлекли шум и движение, донесшиеся со стороны дома Ван Сентов.

Кэрол Ван Сент, темный силуэт которой выделялся в освещенном проеме двери, ведущей с улицы в кухню, силилась закрыть крышкой переполненный контейнер с мусором. Она склонилась к земле – ее рыжие волосы поблескивали при ярком свете, – а затем выпрямилась, держа в руках какой-то большой предмет круглой формы; это был камень, который Кэрол положила на крышку.

– Привет! – окликнула ее Джоанна. Кэрол выпрямилась и, стоя в дверях, уставилась на нее; высокая, длинноногая да к тому же практически обнаженная: розовое, почти прозрачное платье не скрывало того, что находилось под ним.

– Кто здесь? – спросила она.

– Джоанна Эберхарт. Я вас не напугала? Простите, если так получилось. – Она подошла к изгороди, отделяющей ее с Уолтером владения от участка Ван Сентов.

– Привет, Джоанна. – В голосе Кэрол явственно звучал гнусавый акцент, свойственный жителям Новой Англии. – Нет, вы меня не напутали. Отличная ночь, не правда ли?

– Да, – подтвердила Джоанна. – Я наконец-то распаковала вещи, в связи с чем пребываю в прекрасном настроении. – Она должна была говорить громко, поскольку Кэрол так и стояла в дверном проеме и расстояние между ними было слишком большим, чтобы вести непринужденную беседу; сама Джоанна, однако, подошла к самому концу цветочной клумбы, почти упирающемуся в изгородь. – Ким прекрасно провела время с Эллисон сегодня после обеда, – добавила она. – Они отлично ладят друг с дружкой.

– Ким просто восхитительное существо, – сказала Кэрол. – Я так рада, что у Эллисон появилась такая хорошая новая подружка, к тому же живущая по

соседству. Спокойной ночи, Джоанна. – И она повернулась, намереваясь уйти в дом.

– Прошу вас, задержитесь на минутку! – попросила Джоанна.

Кэрол обернулась.

– Да? – спросила она, снова посмотрев на Джоанну.

Как жаль, подумала Джоанна, что нас разделяют эта клумба и ограда, которые не позволяют подойти поближе. А что, собственно говоря, мешает Кэрол подойти вплотную к ограде с ее стороны? Какие сверхнеотложные дела ожидают ее в кухне, освещенной мертвенно-белым светом галогенных ламп, стены которой сплошь завешаны надраенной до блеска медной посудой?

– Уолтер собирается прийти поговорить с Тедом, – громко произнесла Джоанна, обращаясь к силуэту полуобнаженной Кэрол. – После того, как вы уложите детей, почему бы вам не зайти ко мне и не выпить чашечку кофе?

– Спасибо, с радостью приду, – ответила Кэрол, – но мне надо натереть мастикой пол в гостиной.

– Сейчас? Ночью?

– Пока у детей не начались занятия в школе, только ночью я и могу сделать это.

– И что, это нельзя отложить? Ведь осталось всего-то три дня.

Кэрол покачала головой:

– Нет, я и так откладывала эту работу невесть сколько времени. Пол уже весь в проплешинах. А Тед, кстати, вот-вот уйдет в Ассоциацию мужчин.

– Он что, ходит туда каждый вечер?

– Почти каждый.

– Боже милостивый! А вы остаетесь дома и занимаетесь делами?

– Всегда найдется какое-нибудь неотложное дело, – ответила Кэрол. – Вам-то это наверняка известно. А сейчас мне надо навести порядок на кухне. Так что спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – произнесла Джоанна, наблюдая, как Кэрол, повернувшись, входит в дом – в профиль ее грудь выглядела неестественно большой, – и закрывает за собой дверь.

Вдруг, совершенно неожиданно, она появилась в окне, расположенном над раковиной; было видно, что она регулирует уровень воды, затем берет какую-то посудину и начинает чистить. Ее рыжие волосы были аккуратно уложены и блестели при свете ламп; лицо с тонким изящным носом казалось задумчивым (и, черт подери, интеллигентным); вызывающе высокая грудь покачивалась в такт движениям рук, скребущих посудину.

Джоанна побрела назад во внутренний дворик. Нет, ей, слава богу, не известно, что всегда находится какое-нибудь неотложное дело. Не известно, что значит быть поработанной hausfrau[4 - Домохозяйка (нем.)]. И кто может обвинять Теда в том, что он так недурно устроился, используя желание этой простутки постоянно пребывать в домашнем рабстве?

Только она и может обвинять его в этом. А кого же еще?

Уолтер в легком пиджачке вышел из дома.

– Не думаю, что задержусь там дольше чем на час, – сказал он.

– В этой Кэрол Ван Сент все какое-то надуманное, – задумчиво произнесла Джоанна. – Она не может зайти на чашечку кофе, потому что должна натереть пол в гостиной. Тед каждый вечер отправляется в Ассоциацию мужчин, а она остается дома и горбатится, выполняя разные домашние дела.

– Боже! – воскликнул Уолтер, недоверчиво качая головой.

– Представь, каково мне находиться рядом с ней, – сказала Джоанна, – мне, считающей Кейт Миллет[5 - Кейт Миллет (1934–2017) – известная в США активистка Движения за права женщин. В своей книге «Сексуальная политика» («Sexual Politics», 1970) она дала расширенное применение термина «политика» по отношению к сексуальности, телу, эмоциям и многим другим социокультурным сферам, считавшимся до того аспектами индивидуальной, «личной жизни».] своей матерью.

Уолтер в ответ лишь усмехнулся.

– Ну пока, – сказал он, поцеловал ее в щеку и, пересекая дворик, направился к входной двери.

Она снова посмотрела на звезды; сейчас они светили еще ярче. «Давай, принимайся за работу», – подумала Джоанна и пошла в дом.

* * *

Субботним утром все четверо сидят, по всем правилам пристегнувшись ремнями безопасности, в начищенном до блеска автомобиле «Универсал». Джоанна и Уолтер, оба в солнцезащитных очках, обсуждают магазины и предстоящие покупки. Пит и Ким щелкают выключателями, поднимая и опуская стекла в салоне, до тех пор, пока Уолтер не вмешивается и не велит им прекратить. День солнечный, даже чересчур, – такие дни предвещают приближение осени. Они поехали в торговый центр Степфорда (витрины с белыми рамами в колониальном стиле[6 - Американцы используют термин «колониальный» применительно к архитектурному и другим стилям XVIII века, в то время как англичане называют его «георгианским».] выглядят как на рождественских открытках), чтобы купить кое-что из домашних вещей, предметов гигиены и лекарств в магазинах, где предоставлялись скидки. Затем направились по Девятому шоссе в только что открытый гипермаркет, чтобы купить, опять же со скидкой (какая там очередь!), башмаки для Пита и Ким и шведскую стенку, правда уже без скидки; оттуда по Истбридж-роуд в «Макдоналдс» (биг-маки, шоколадные коктейли); потом проехали еще немного в восточном направлении до магазина антикварных вещей (восьмиугольный придиванный столик, правда без документов, свидетельствующих о принадлежности к означенной на этикетке эпохе). Проехали с севера на юг и с востока на запад вокруг Степфорда – по Энвил-роуд, Колдгрик-роуд, Ханникат, Бивертайл, пересекли нагорье

Бургесс – ради того лишь, чтобы показать Питу и Ким (Джоанна и Уолтер уже успели проехать по этим местам, когда занимались покупкой дома) их новую школу и школы, где они будут учиться потом; показать им не загрязненную округу, а мусороперерабатывающий завод, который, если смотреть на него со стороны, можно принять за ангар для звездолетов; площадки для пикников, рядом с которыми сооружался муниципальный плавательный бассейн. Пит попросил Джоанну спеть «С добрым утром, звездный свет»[7 - Песня, написанная Оливером в соавторстве с Крю («Good Morning Starshine») для бродвейского мюзикла «Волосы» («Hair») и буквально сразу ставшая хитом.], а потом они все вместе исполнили «Оркестр Макнамары»[8 - Песня Бина Кросби («MacNamara's Band»).], причем каждый в финале подражал звуку какого-нибудь музыкального инструмента. Ким так старалась, что ее едва не вырвало, – слава богу, Уолтер заметил приближающуюся беду, быстро расстегнул ремень безопасности и вытащил ее из машины.

Это послужило сигналом к тому, что следует успокоиться и вести себя потише. Назад они ехали через центр Степфорда, потому что Пит сказал, что его укачало и тоже может стошнить. Уолтер обратил их внимание на белые рамы в окнах библиотеки и коттеджа, построенного два века назад, в котором сейчас размещалось Историческое общество.

Ким, приникшая к стеклу, сняла с языка тоненькую таблетку – средство против укачивания – и спросила:

– А кто живет в этом огромном доме?

– В нем находится Ассоциация мужчин, – ответил Уолтер.

Пит изогнулся, насколько позволял ему ремень, и во все глаза уставился на здание.

– Так это сюда ты ходишь по вечерам? – спросил он.

– Точно, – ответил Уолтер.

– А как ты добираться?

- Там за холмом есть дорога.

Они догнали грузовик; в открытом кузове, ухватившись руками за борта, стоял человек в униформе цвета хаки. У него были длинные каштановые волосы и очки на худом удлинённом лице.

- Это же Гари Клейбрук, верно? - спросила Джоанна.

Уолтер посигналил и помахал рукой, высунутой в открытое окно. Их сосед, живший в доме напротив, согнулся, чтобы рассмотреть, кто находится в машине, улыбнулся и помахал в ответ, а затем снова ухватился за борта кузова. Джоанна тоже улыбнулась и помахала. Ким закричала:

- Здравствуйте, мистер Клейбрук!

Пит присоединился:

- А где Джереми?

- Он вас не слышит, - обратилась к детям Джоанна.

- Как бы мне хотелось вот так же прокатиться на грузовике! - со вздохом сказал Пит.

- Мне тоже! - согласилась с братом Ким.

Грузовик с надсадным урчанием одолевал крутой подъем, резко забирая влево. Кузов был наполовину заполнен мелкими картонными коробками.

- Чем он занимается? - спросила Джоанна. - Халтурит?

- Не похоже, особенно если вспомнить, сколько, по словам Теда, он зарабатывает, - ответил Уолтер.

- А что такое «халтурит»? - спросил Пит.

Тормозные фары грузовика засветились; он остановился, а затем замигал сигнал левого поворота.

Джоанна принялась объяснять, что значит «халтурить».

Когда автомобиль добрался до вершины горы, грузовик уже повернул на дорогу, ведущую влево.

– Это и есть та самая дорога? – спросил Пит.

Уолтер кивнул:

– Да, это она.

Ким опустила стекло до самого низа и что было мочи закричала:

– Привет, мистер Клейбрук!

Он махнул им рукой, когда машина, обгоняя грузовик, шла рядом.

Пит расстегнул пряжку на своем ремне безопасности и, встав на колени, прильнул к окну.

– А я смогу когда-нибудь прийти сюда? – спросил он, высовывая голову в окно и оглядываясь назад.

– М-м-м, не думаю, – ответил Уолтер. – Детям запрещено приходить туда.

– Посмотрите, ну и забор! – закричал Пит. – Прямо как в фильме «Герои Хогана»!^[9 - «Герои Хогана» – американский телесериал («Hogan's Heroes»), рассказывающий о приключениях времен Второй мировой войны.]

– Для того, чтобы женщины туда не проникли, – сказала Джоанна, глядя вперед и поправляя солнцезащитные очки.

Уолтер улыбнулся.

- Это правда? - спросил Пит. - Поэтому он такой высокий?

- Пит, немедленно пристегни ремень, - строгим голосом приказала Ким.

- Пит... - начала было Джоанна. Они выехали на Норвуд-роуд и по ней направились в сторону шоссе Уинтерхилл-драйв.

* * *

Она из принципиальных соображений намеревалась не заниматься сегодня никакой домашней работой. Не то чтобы работы у нее было невпроворот, вовсе нет, и кое-что она проделала бы даже с удовольствием, например, разобрала книжные полки в гостиной, - но уж только не сегодняшним вечером. Не выйдет, сэр. Ничего не случится, если с этим подождать. Она не Кэрл Ван Сент и не Мэри-Энн Ставрос - уж она-то не станет проталкивать трубу пылесоса через окно нижнего этажа, для того чтобы опустить штору на окне в комнате Пита и одновременно продемонстрировать соседям, что занимается уборкой.

Нет, сэр, этого не будет. Уолтер отправился в Ассоциацию мужчин - отлично. Он должен был пойти туда, чтобы вступить в Ассоциацию, и должен будет ходить туда раз или два в неделю, чтобы изменить основы тамошнего устройства. Но впредь она не собирается заниматься домашней работой, пока он будет находиться там (по крайней мере, первое время), если, конечно, Уолтер в свою очередь не станет выполнять работу по дому, когда она будет отлучаться куда-нибудь по своим делам - она как раз уже наметила, что в следующую лунную ночь поедет в центр Степфорда, чтобы сфотографировать фасады магазинов, оформленных в колониальном стиле. (Лунный свет, вероятно, будет по-особому отражаться от кривых зеркальных стекол в витринах магазина домашней утвари.)

Ну что ж, раз Пит и Ким заснули да еще и шумно посапывали, Джоанна спустилась в погреб и сделала замеры, необходимые для перепланировки кладовой, которой предстояло стать ее потайной комнатой, а также фотолабораторией. Затем, поднявшись наверх, проверила Пита и Ким, после чего приготовила себе порцию водки с тоником и, держа в руках стакан, отправилась в кабинет. Она настроила приемник на станцию, передававшую слезливо-сентиментальную, но приятную мелодию, сдвинула к краю стола

контракты и другие бумаги Уолтера, достала увеличительное стекло, красный карандаш и контракт на фотографии видов города, который заключила перед отъездом. Большинство снимков – просто напрасная трата пленки. Это Джоанна понимала еще тогда, когда щелкала затвором, – ей никогда не удавалось сделать ничего хорошего второпях, – но один из кадров по-настоящему взволновал ее. На снимке хорошо одетый молодой темнокожий человек с «дипломатом» провожает озлобленным взглядом пустой таксомотор, проходящий мимо и проигнорировавший его жест остановиться. Если его лицо увеличить в правильной пропорции, слегка затемнить фон и чуть выпятить размытое изображение проносящегося мимо автомобиля, получится снимок, достойный внимания, – она уверена, что любое агентство возьмет его с охотой. Существовал постоянный спрос на фотографии, в драматическом ключе освещающие проблемы межрасовой напряженности.

Джоанна взяла красный карандаш, отметила этот кадр красным крестиком и принялась рассматривать остальные, которые считала хорошими или потенциально хорошими при соответствующей доработке. Вспомнив про водку с тоником, поднесла стакан к губам и сделала несколько глотков.

В четверть двенадцатого она, почувствовав усталость, передвинула вещи на свою половину стола, а бумаги Уолтера положила туда, где они лежали, выключила радиоприемник, пошла на кухню и ополоснула стакан. Проверила, закрыты ли двери, выключила свет – повсюду, оставив гореть лишь единственную лампочку в прихожей, – и пошла наверх.

Любимый слон Ким лежал на полу. Джоанна подняла его и, положив рядом с подушкой, накрыла одеялом. Затем укутала одеялом плечики дочки и слегка коснулась пальцами мягких завитков на шейке.

Пит спал на спине с открытым ртом, точно в той же позе, что и прежде, когда она проходила мимо спальни детей в кабинет. Джоанна посмотрела, как поднимается и опускается при дыхании его грудь, затем приоткрыла дверь пошире, погасила свет в коридоре и пошла в их с Уолтером спальню.

Она разделась, причесала волосы, помылась под душем, почистила зубы и легла в постель.

Без двадцати двенадцать выключила бра.

Лежа на спине, Джоанна попеременно покачивала то правой ногой, то правой рукой. Ей было тоскливо оттого, что Уолтера не было рядом, но телу было приятно лежать на прохладной простыне и в просторной кровати. Сколько раз ей приходилось ложиться спать одной с того дня, как они поженились? Не много: ночи, когда он уезжал из Марбурга-Донлеви в деловые командировки; ночи, которые она провела в больнице, откуда вернулась домой с Питом и Ким; ночь, когда произошел сбой в системе электроснабжения; затем во время поездки домой на похороны дяди Берта – где-то двадцать, ну максимум двадцать пять ночей в течение десяти с лишним лет. Этот подсчет не омрачил настроения. Боже милостивый, от этого она снова почувствовала себя прежней Джоанной Ингаллс. Помнит ли она ее?

Вдруг Джоанна подумала, а не попал ли Уолтер в аварию. Ведь в том грузовике, на котором ехал Гари Клейбрук, везли вино (или размеры картонных ящиков были слишком маленькими для хранения и перевозки вина?). Но Уолтер поехал в машине Вика Ставроса и поэтому напился. Нет, такого никак не могло случиться; такого с ним практически никогда не случалось. А что, если напился Вик Ставрос? Крутые повороты на Норвуд-роуд...

Да нет, все это чушь. О чем вообще волноваться?

* * *

Кровать тряслась. Джоанна лежала в темноте, глядя в чернеющую за открытой дверью ванную комнату. На блестящих ручках шкафа еле заметно отражался неведомо откуда проникающий свет. А кровать все тряслась и тряслась в каком-то медленном постоянном ритме, и каждое колебание матраса сопровождалось слабым скрипом пружин... снова и снова, снова и снова. Кровать тряс Уолтер! Да, да, Уолтер!.. У него лихорадка! А может, белая горячка? Она повернулась на бок, приподнялась на локте, попыталась увидеть в темноте его лицо и протянула руку, стараясь нащупать веко. Его глаз посмотрел на нее и внезапно он отвернулся; все тело Уолтера отвернулось от нее, а вздыбленное холмиком одеяло на месте паха опало сразу, как только ее взгляд скользнул по нему; никакого холмика не было, только гладкое бедро. Кровать больше не тряслась.

Он что... мастурбировал?

Джоанна не знала что думать.

Села на постели.

– Я подумала, у тебя белая горячка, – сказала она. – Или лихорадка.

Некоторое время Уолтер лежал молча, а затем произнес:

– Я не хотел будить тебя. Уже третий час.

Джоанна все еще сидела, стараясь справиться с дыханием.

Он лежал на своей половине, не произнося ни слова.

Она обвела взглядом комнату. Окна, мебель были едва различимы в тусклом свете от плафона в ванной комнате детей. Джоанна распустила волосы и несколько раз провела руками по талии.

– Тебе надо было разбудить меня. Я бы не возражала.

Уолтер ничего не ответил.

– Послушай, дружок, не надо этим заниматься, – негромко произнесла Джоанна.

– Да я просто не хотел тебя будить, – оправдывался он. – Ты так крепко спала.

– Ладно, но в следующий раз буди меня.

Уолтер перевернулся на спину. Холмика в паху не было.

– Ты что... уже все?

– Нет, – ответил он.

– Ох-х-х, – выдохнула Джоанна. – Тогда, – она с улыбкой посмотрела на него, – я готова. – Передвинулась на его половину, повернулась к нему, обвила его тело руками; Уолтер повернулся к ней; они обнялись, и их губы слились в поцелуе. От

него пахло шотландским виски. – Я думаю, мы приняли отличное решение, – прошептала Джоанна ему в самое ухо и, задыхаясь, простонала: – О господи...

Такое, как в этот раз, они испытали впервые – по крайней мере, Джоанна.

– О-о-о, – произнесла она, выходя из ванной. – Я до сих пор еще вся дрожу.

Уолтер, сидя на кровати с зажженной сигаретой, смотрел на нее, улыбаясь.

Она села рядом с ним, приникла к нему, положила его руку на свою грудь.

– Ну, что там происходило? – спросила она. – Смотрели порнофильмы или еще как-нибудь развлекались?

Он улыбнулся:

– Если бы! Ничего подобного не было. – Уолтер поднес сигарету к ее губам. Джоанна затаилась. – Обули меня на восемь с половиной долларов в покер и вконец достали своими занудными рассуждениями о злонамеренных действиях зонального комитета в отношении Истбридж-роуд.

– А я боялась, что ты попал в аварию.

– Я? После двух стаканчиков скотча? Они вовсе не горькие пьяницы. А ты чем занималась?

Джоанна рассказала, что делала; поделилась и своими надеждами, связанными с фотографией чернокожего человека. Уолтер рассказал ей о некоторых людях, с которыми встретился: о педиатре, которого рекомендовали семейства Ван Сентов и Клейбруков; о художнике-иллюстраторе журналов, считающемся местной знаменитостью; двух юристах; психиатре; шефе полиции; директоре торгового центра.

– Психиатр, должно быть, является горячим сторонником допущения в Ассоциацию женщин? – предположила Джоанна.

– Ты права, – подтвердил Уолтер. – А также и доктор Верри. Что думают другие, я не знаю. Просто мне не хотелось проявлять активность во время первого посещения Ассоциации.

– А когда ты пойдешь туда снова? – спросила она и вдруг напугалась, что он может ответить, что пойдет туда завтра.

– Не знаю, – ответил он. – Понимаешь, я не хочу возводить эти посещения в жизненно необходимый ритуал, как это сделали Тед и Вик. Думаю, пойду через неделю, не раньше. А впрочем, не знаю. Это один из аспектов жизни в провинции.

Она улыбнулась и прижалась к нему сильнее.

* * *

Нащупывая ногами ступеньки и неся в руках тяжеленную корзину с только что выстиранным бельем, лавируя между перилами, Джоанна одолела уже треть лестничного подъема, когда этот распроклятый телефон вдруг зазвонил.

Она не могла поставить свою ношу на ступеньки: корзина скатилась бы вниз, а ширина лестницы была недостаточной для того, чтобы повернуться и спуститься вниз. Ей ничего не оставалось, как продолжать подниматься, нащупывая ступени ногами, отвечая каждому телефонному звонку фразой «еще одна ступенька», «еще одна ступенька»...

Она одолела лестницу, поставила корзину на пол и подошла к письменному столу в кабинете.

– Алло, – произнесла Джоанна голосом, в котором, как ей показалось, напрочь отсутствовали вежливость и дружелюбие.

– Здравствуйте, это Джоанна Эберхарт?

Голос в трубке был громким, радостным, дребезжащим, точь-в-точь голос Пегги Клевенджер. Но Пегги Клевенджер, по последним сведениям, работала в «Пари-Матч» и вряд ли знала о замужестве Джоанны, не говоря уже о ее нынешнем

месте жительства.

- Да, - ответила она. - С кем имею честь?

- К сожалению, нас не представили друг другу, - голос уже звучал не так, как голос Пегги Клевенджер, - но я хочу сделать это прямо сейчас. Бобби, я хочу представить тебя Джоанне Эберхарт. Джоанна, я хочу представить вас Бобби Маркоу - пишется К-О-У. Бобби живет уже пять недель в округе Аякс и очень хотела бы познакомиться с человеком, в котором серьезное увлечение фотографией сочетается с интересом к политике и Движению за равноправие женщин. А это как раз и есть вы, Джоанна, как об этом говорится в «Степфорд Кроникл», или попросту в «Кроникл», в зависимости от того, какое название вам, как журналисту, кажется более подходящим. Скажите, они точно описали ваши пристрастия? И вас действительно не сильно трогает, какого цвета мыльница лучше, розового или голубого? Представьте себе, что у вас полная свобода выбора, станете ли вы надраивать свой дом до блеска, не жалея чистящего порошка «Чармин»? Алло? Вы еще здесь, Джоанна? Алло?

- Алло, - ответила Джоанна. - Да, я здесь. А что я делаю сейчас! Алло! Черт возьми, а ведь это чистящее средство стоит того, чтобы его рекламировать!

* * *

- Какое удовольствие находиться в кухне, в которой царит кавардак! - объявила Бобби. - Здесь немного не хватает того, что есть у меня: у вас нет ручных прессов для выдавливания арахисового масла; они устанавливаются на специальных подставках, но от этого ваша кухня только выигрывает, правда, я не шучу. Так что примите мои поздравления.

- Если хотите, я могу показать вам наши убогие, обшарпанные ваннные комнаты, - сказала Джоанна.

- Спасибо, но давайте сначала выпьем кофе.

- Растворимый пойдет?

- Вы думаете, здесь пьют что-либо другое?

Бобби была коренастой коротышкой, на ней были голубая рубашка из хлопкового трикотажа, джинсы и сандалии. Большой рот был заполнен двумя плотными рядами ослепительно белых зубов; от голубых глаз не ускользало ничего; круглая голова покрыта коротко подстриженными черными волосами. Маленькие руки, грязные пальцы ног. С мужем, которого звали Дэйв и который работал биржевым аналитиком, они нажили трех сыновей десяти, восьми и шести лет. Под одной крышей с ними жили старая колли и корги. Бобби выглядела немного моложе Джоанны, на вид ей было тридцать два – тридцать три года. Она выпила две чашки кофе, съела песочное колечко в шоколадной глазури и рассказала Джоанне о женщинах, живущих в проезде Фоксхоллоулейн.

– Мне иногда кажется, что там происходит какое-то общенациональное соревнование, о котором никогда не объявлялось, – заметила она, слизывая шоколад с кончиков пальцев. – Приз в миллион долларов и... Пол Ньюман[10 - Пол Ньюман (1925–2008) – популярный американский киноактер и режиссер.] в качестве рождественского гостя в самый чистый из домов. Я хочу сказать, что они только и делают, что скребут, скребут, скребут; натирают, натирают, натирают свои полы мастикой...

– Здесь все то же самое, – перебила ее Джоанна. – Даже по ночам! И мужчины все...

– Ох уж эта Ассоциация мужчин! – воскликнула Бобби.

Они заговорили о ней – о закоснелой женофобии, объединяющей ее членов, – об истинной несправедливости: в городе не существует ни одной женской организации, даже такой безобидной и беззубой, как Лига женщин-избирательниц.

– Поверьте, – сказала Бобби, – я прошерстила здесь все и обнаружила только Клуб огородниц да еще несколько групп при разных церквях, объединяющих выживших из ума склочных старух, – и от того, и от другого меня просто воротит. Наша фамилия «Маркоу» – это редуцированная форма фамилии «Марковиц»[11 - Гарри Марковиц (р. 1927) – американский экономист, специалист по теории финансов, лауреат Нобелевской премии (1990 г.). Переселенцы из Восточной Европы часто меняли свои фамилии, придавая им более английское звучание.]. В городе существует Историческое общество,

чуждое женофобии, но стоит войти туда и поприветствовать его членов, как вы немедленно почувствуете себя попавшим в паноптикум.

Дэйв состоял в членах Ассоциации мужчин и, так же как и Уолтер, полагал, что ее можно изменить, действуя изнутри. Но Бобби разбиралась в проблеме лучше:

– Вы поймете, что мы должны будем приковать себя цепями к ограде, для того чтобы побудить их предпринять хоть что-то. А что вы вообще думаете об этой ограде? Вы, наверное, полагаете, что они очищают там опиум!

Они обсудили возможности объединения усилий с некоторыми из дам, живущих по соседству, чтобы посредством доверительных бесед побудить их играть более активную роль в жизни города, но в конце концов пришли к выводу, что женщины, с которыми им доводилось иметь дело, вряд ли осмелятся предпринять даже столь незначительный шаг в деле своего раскрепощения. Они поговорили о Национальной организации женщин, в которой обе состояли, а также о достижениях Джоанны в области фотографии.

– Господи, да они же превосходны! – воскликнула Бобби, рассматривая четыре увеличенные фотографии, развешанные Джоанной по стенам кабинета. – Это же что-то совершенно необычайное!

Джоанна поблагодарила Бобби за столь пылкие похвалы.

– Это же часть жизни! За глаза я подумала, что увижу детские снимки из «Полароида»! Но то, что увидела в действительности, великолепно!

– Теперь, когда Ким пошла в детский сад, я решила серьезно взяться за работу, – сказала Джоанна.

Она проводила Бобби до машины.

– Только не говорите «нет», – обратилась к ней Бобби. – Мы должны, по крайней мере, попытаться. Давайте поговорим с этими домохозяйками; ведь, возможно, среди них окажется несколько таких, кто хотя бы в малой степени противится сложившейся ситуации. Что вы на это скажете? Ведь будет действительно здорово, если мы сможем сколотить группу – может быть, даже на основе

принципов устава Национальной организации женщин, – а это даст Ассоциации мужчин хорошую встряску. Дэйв и Уолтер сами морочат себе головы; ничего не изменится само собой – необходимо заставить произвести изменения, а организация, состоящая из самодовольных жирных котов, добровольно никогда на это не пойдет. Что вы на это скажете, Джоанна? Давайте поспрашиваем соседок.

Джоанна согласно кивнула.

– Давайте, – сказала она. – Не думаю, что все они довольны существующим положением.

* * *

Она поговорила с Кэрол Ван Сент.

– Ну уж нет, Джоанна, – сказала Кэрол. – То, о чем вы говорите, не вызывает во мне ни малейшего интереса. Однако спасибо за то, что вы выбрали меня, чтобы обсудить эту проблему.

Говоря с Джоанной, она чистила поверхность пластиковой перегородки в комнате Стейси и Эллисон, протирая большой желтой губкой опорные стержни и раздвижные элементы, похожие на мехи аккордеона.

– Да все это займет не более двух часов, – пыталась образумить ее Джоанна. – В вечернее время или, если будет для всех удобнее, в те часы, когда дети находятся в школе.

Кэрол, согнувшись, протирала нижнюю часть перегородки; она повернулась к Джоанне и ответила:

– Прости, но у меня просто нет времени на подобные дела.

Джоанна с минуту молча наблюдала за ее работой.

– Неужели вас не тревожит тот факт, что основной организацией здесь, в Степфорде, является организация, способная предпринять сколько-нибудь решительные действия, когда дело касается общественно значимых проектов, и в этой организации нет ни одной женщины? Не кажется ли вам такое положение архаичным?

– Ар-ха-ич-ным? – переспросила Кэрол, прополаскивая губку в ведре с мыльной водой.

Джоанна в недоумении посмотрела на нее.

– Ну, несовременным, старомодным, – пояснила она.

Кэрол вынула губку и принялась отжимать ее над ведром.

– Нет, – сказала она, – такое положение не кажется мне архаичным. – Она выпрямилась и, потянувшись, принялась тереть верхнюю часть следующей секции перегородки. – Тед лучше, чем я, подготовлен к тому, чтобы обсуждать подобные дела, – добавила она, принимаясь тереть опорные стержни, которые в этом месте перегородки располагались почти вплотную друг к другу. – И потом, мужчинам необходимо иметь место, где бы они могли расслабиться и пропустить стаканчик-другой, – закончила она свою тираду.

– А женщинам?

– Не в такой мере. – Кэрол покачала головой, рыжей от красящего шампуня, не прекращая тереть перегородку. – Простите, Джоанна, – со вздохом произнесла она, – но у меня нет времени на посиделки.

– Ну что ж, – ответила Джоанна. – Если вы все-таки передумаете, дайте мне знать.

– Вы не обидитесь, если я не пойду провожать вас до входной двери?

– Ну что вы, конечно, нет.

Она поговорила с Барбарой Чемелейн, дом которой был рядом с домом Ван Сентов.

– Спасибо, но я, право, не вижу, чем могу быть вам полезной, – заявила Барбара. У этой женщины была квадратная нижняя челюсть и темно-каштановые волосы. На почти идеальной фигуре отлично сидело аккуратное розовое платье. – Ллойд много времени проводит в городе, – объяснила она, – но к вечеру он обычно возвращается, и ему доставляет удовольствие бывать в Ассоциации мужчин. Я не могу заставить себя платить няне только за то...

– Но мы можем собираться и в то время, когда дети в школе, – попыталась возразить Джоанна.

– Нет, – решительно произнесла Барбара. – Я думаю, вам не следует на меня рассчитывать. – Она улыбнулась. – Однако рада, что мы все-таки встретились, вы не хотите зайти и посидеть со мной немного? Я сейчас глажу.

– Нет, спасибо, – отказалась Джоанна. – Я собираюсь поговорить с другими женщинами.

Она поговорила с Мардж Мак-Кормик («Честно говоря, не уверена, что мне это интересно»), с Кит Сандерсен («Боюсь, я не располагаю временем для этого; так что мне искренне жаль, миссис Эберхарт, но...»), и Донной Клейбрук («Прекрасная мысль, но мне сейчас некогда. И тем не менее спасибо за то, что вспомнили обо мне»).

Она встретила Мэри-Энн Ставрос в одном из залов торгового центра.

– Нет, не думаю, что у меня найдется время для подобных дел. В доме пропасть всякой работы. Вам ли этого не знать.

– Но ведь вы же отлучаетесь иногда из дома, верно? – спросила Джоанна.

– Конечно, – ответила Мэри-Энн. – Я и сейчас не дома, правда?

– Я не имею в виду по делу. А чтобы развлечься.

Мэри-Энн улыбнулась и покачала головой:

– Ну, это бывает нечасто. Да я и не испытываю желания развлечься. Ну пока. – И она пошла прочь, толкая впереди себя тележку с продуктами. Пройдя немного, она остановилась, взяла с полки банку с консервами, рассмотрела ее и, положив в тележку, двинулась дальше.

Джоанна посмотрела ей вслед, затем перевела взгляд на продуктовую тележку другой дамы, медленно прошедшей мимо нее. Боже мой, подумала она, даже свои продуктовые тележки они наполняют по-особому, аккуратно! Она посмотрела на свою тележку: груда коробок, банок, жестянок. Внезапно ее как будто пронзило острое чувство вины и импульсивное желание сложить отобранные продукты в аккуратном порядке.

«Да будь я проклята, если сделаю это», – подумала она и, протянув руку, ухватила с полки какую-то коробку – с зубной пастой, – бросила ее в тележку. А ведь эта проклятая паста была ей совершенно не нужна!

* * *

Она поговорила с матерью одной из одноклассниц Ким, когда сидела в приемной доктора Верри; поговорила с Ивонн Вайсгальт – ее дом был рядом с домом семейства Ставросов; поговорила с Джилл Берк, жившей рядом с Вайсгальтами. Никто из них не откликнулся на ее предложение. Они либо ссылались на крайнюю занятость и нехватку времени, либо не проявляли большой заинтересованности в том, чтобы встречаться с другими женщинами, общаться с ними и делиться накопленным опытом.

Бобби повезло еще меньше, учитывая то, что число женщин, с которыми она побеседовала, было вдвое большим.

– Одна все-таки согласилась, – сказала она Джоанне. – Одна восьмидесятипятилетняя вдовствующая старуха затащила меня к себе, и в течение целого часа я пребывала у нее буквально в плену да еще под градом брызг слюны, вылетающей изо рта, как из аэрозольного баллончика. Мы были готовы тут же ринуться на штурм Ассоциации мужчин, Эда-Мэй Гамильтон была готова начать действовать немедленно.

– Может, стоит установить контакт с ней, – предложила Джоанна.

– Ну нет, думаю, это надо отложить на крайний случай!

Целое утро они вдвоем обзванивали женщин. Согласно методике (предложенной Бобби) они довольно туманно намекали, что практически все решено с созданием объединения женщин, в котором на данный момент имеется всего одно вакантное место. Но и это не сработало.

– Господи! – взмолилась Бобби, со всей силы нажимая на газ своего автомобиля, с надсадным скрежетом преодолевавшего подъем Шотридж-роуд. – Здесь все как дохлые рыбы, плывущие по течению! Мы живем в городе, о котором забыло время!

* * *

Однажды Джоанна, оставив Пита и Ким под присмотром шестнадцатилетней Мелинды Ставрос, поехала на поезде в город, где они с Уолтером встретились со своими друзьями Шепом и Сильвией Тасковер и отправились с ними в итальянский ресторан, расположенный по соседству с театром. Было очень приятно встретиться вновь с Шепом и Сильвией; они были поистине яркой, располагающей, энергичной парой, которой уже пришлось пережить несколько тяжелых ударов и потрясений, в том числе и смерть четырехлетнего сына, утонувшего во время купания. Очутиться снова в городе тоже было очень приятно; Джоанне доставляло удовольствие видеть разноцветную толпу, слышать звуки заполненного народом ресторана.

Они с Уолтером оживленно обсуждали красоту Степфорда, неспешный ритм тамошней жизни, а также – преимущества жизни в собственном доме, а не в съемной квартире. Она и словом не обмолвилась о том, что степфордские женщины всецело поглощены своими домами, о полном отсутствии у них какой-либо активной жизни вне домашних стен. Это было бы проявлением тщеславия, решила Джоанна; ей не хотелось выставлять себя объектом сочувствия даже в глазах Шепы и Сильвии. Она рассказала им о Бобби, о том, какая та забавная и веселая, а также о замечательных степфордских школах с малой наполненностью классов. Уолтер не сказал ничего об Ассоциации мужчин, и она тоже не коснулась этой темы. С Сильвией, которая работала в городском жилищно-коммунальном департаменте, наверняка случился бы удар, узнай она

обо всем этом.

Но по дороге в театр Сильвия пробурравила Джоанну оценивающим взглядом и спросила:

- Трудно привыкать?

- В каком-то смысле да, - ответила Джоанна.

- Ты справишься с этим, - сказала Сильвия, улыбнувшись ей. - Как твои фотографии? Должно быть, ты чувствуешь там себя на высоте, глядя на все свежим взглядом.

- Да мне пока что и самой мелочи не удалось сделать, - ответила Джоанна. - Мы с Бобби носились по всей округе, призывая женщин хоть как-то поучаствовать в движении за равноправие полов. Сказать по правде, там просто стоячее болото.

- Бегать и агитировать - это не твое призвание, - сказала Сильвия. - Фотография - вот чему тебе следует себя посвятить.

- Согласна, - подтвердила Джоанна. - Я уже пригласила водопроводчика, и на этих днях он придет, чтобы установить раковину в темной комнате, которую я приспособила под фотолабораторию.

- Уолтер выглядит бодрым и жизнерадостным.

- Это точно. Он доволен нынешней жизнью.

Пьеса, а это был мюзикл, хит предыдущего сезона, произвела на всех удручающее впечатление. По дороге домой, после того как они в течение нескольких минут делились мнениями о спектакле, Уолтер надел очки и достал какие-то свои бумаги, Джоанна бегло пролистала «Тайм», а потом, устроившись у окна, закурила, следя за цепочками огней, мелькающими на фоне темноты за стеклом.

Сильвия была права; фотография - вот настоящая работа для нее. Ну их к черту, этих степфордских баб. Бобби, конечно, не в счет.

Обе свои машины они оставили на стоянке у вокзала, поэтому ехать до дому им пришлось порознь. Джоанна ехала впереди на «Универсале», а Уолтер следовал за ней на «Тойоте». Центр был безлюдным и при свете трех светофоров представлял собой весьма фотогеничный пейзаж – да, она должна приехать сюда с камерой, даже не дожидаясь завершения оборудования фотолаборатории: все здания были подсвечены, в окнах Ассоциации мужчин горел свет, перед светофором стоял автомобиль в ожидании разрешающего сигнала.

Их встретила зевающая во весь рот, но улыбающаяся Мелинда; Пит и Ким сладко посапывали в своих кроватках.

На торшерном столике в гостиной стояли тарелки и пустые стаканы из-под молока; по дивану были разбросаны свернутые из белой бумаги шарики, на полу валялась пустая пластиковая бутылка из-под сока.

Неряшливость Мелинда унаследовала явно не от родителей, подумала Джоанна.

* * *

Во время третьего посещения Ассоциации мужчин Уолтер позвонил примерно в девять часов и сказал Джоанне, что собирается пригласить домой членов комитета по новым проектам, в который его недавно ввели. Вблизи здания проводились какие-то строительные работы (она слышала в трубку грохот и шум моторов), поэтому им не найти места, где можно было бы спокойно посидеть и все обсудить.

– Отлично, – ответила Джоанна. – Я как раз освобождаю темную комнату от хлама, так что в вашем распоряжении будет...

– Нет, не надо. Послушай, что я скажу, – прервал ее Уолтер. – Я хочу, чтобы ты была с нами и принимала участие в обсуждении. Двое моих коллег действительно упертые приверженцы, что все должны делать мужчины, но и им не вредно будет послушать умные суждения, высказанные женщиной. А я думаю, ты на это способна.

- Спасибо. А они-то не станут возражать?

- Дом-то ведь все-таки наш.

- А ты уверен в том, что не просишь меня исполнить роль официантки?

- О господи, тебя невозможно провести, - со смехом ответил он. - Ну хорошо, ты меня поймала. Но только умной официантки, согласна? Правда? Это действительно может послужить хорошим примером.

- Ладно, - ответила Джоанна. - Мне нужно пятнадцать минут, и я стану не только умной, но и красивой официанткой; думаешь, это хоть как-то поспособствует сотрудничеству?

- Без сомнения. Ты прелесть.

* * *

Они явились впятером; один из них, по имени Аик Мацард, подвижный невысокий мужчина, под шестьдесят, красное лицо которого с остроконечными нафабранными усами напоминало слегка приплюснутую крупную вишню, был известным журнальным художником-иллюстратором. Обмениваясь с ним приветливым рукопожатием, Джоанна заметила:

- Не уверена, что вы мне нравитесь; вы омрачили мою юность рисунками девушек, которых видели в своих мечтах!

А он, смеясь, ответил:

- Вы, должно быть, считали себя достойной попасть на страницы журнала.

- Хотите поспорим, что нет?

Возраст остальных был в районе сорока. Дэйл Коуба, высокий черноволосый мужчина слегка заносчивого вида, был президентом Ассоциации. Улыбнувшись и окинув ее взглядом зеленых глаз, отчего она сразу почувствовала себя

униженной, он сказал:

– Здравствуйте, Джоанна. Очень рад встрече с вами.

Один из упертых приверженцев того, что все должны делать мужчины, подумала она, а удел женщин повиноваться. Его мягкая рука не ответила на пожатие.

Остальных гостей звали то ли Ансельм, то ли Аксельм, Сандерсен и Родденберри.

– Я встречалась с вашей женой, – обратилась Джоанна к Сандерсену, бледнолицему нервного вида мужчине с брюшком. – Если вы те самые Сандерсены, которые живут через дорогу от нас.

– Вы уже встречались? Да, мы те самые Сандерсены, и, кстати, единственные во всем Степфорде.

– Я хотела привлечь ее к совместным действиям, но она отказалась.

– Она не очень легко сходится с людьми, – помнил Сандерсен глядя не на нее, а куда-то в сторону.

– Простите, я не расслышала вашего имени, – сказала Джоанна.

– Херб, – ответил он, продолжая смотреть куда-то в сторону.

Она провела мужчин в гостиную, а сама пошла на кухню, откуда вернулась со льдом и содовой. Поставив поднос рядом с настольным баром, она шепотом спросила Уолтера: «Умная? Красивая?» Он ответил молчаливой улыбкой. Она снова вернулась на кухню и появилась в гостиной с вазами, наполненными картофельными чипсами и арахисом.

Мужчины не возражали, когда она, держа в руке стакан, спросила: «Вы позволите?» – и примостилась на кончике дивана, который Уолтер предусмотрительно сохранил для нее. Айк Мацард и то ли Ансельм, то ли Аксельм встали, а остальные, за исключением Дэйла Коуба, заерзали по дивану,

и это ерзанье как в зеркале отразило внутреннюю борьбу, происходящую в их умах: вставать или не вставать. Дэйл Коуба продолжал сидеть и есть арахис, держа орешки в кулаке и по одному забрасывая в рот, и при этом пронзал Джоанну презрительным взглядом зеленых глаз.

Они обсуждали проект рождественских украшений, а затем проект сохранения природного ландшафта. У Фрэнка Родденберри было приятное курносое лицо с синевой на подбородке, и он слегка заикался; у Коуба было прозвище Диц, которое вряд ли ему подходило. Они обсуждали, надо ли будет в этом году зажигать ханукальные светильники и устраивать рождественские ясли в городском Центре, поскольку сейчас в городе проживало довольно много еврейских семей. Они обсудили также темы новых проектов.

- Можно мне сказать? - спросила Джоанна.

- Конечно, - в один голос ответили Фрэнк Родденберри и Херб Сандерсен. Коуба полулежал в кресле, сложив руки под головой и уставившись в потолок (без сомнения, выражая этим свое презрение); ноги он вытянул почти до середины комнаты.

- А вам не кажется, что было бы совсем неплохо организовать что-то наподобие вечерней лекции для пожилых людей? - сказала она. - Либо собрание для родителей и подростков? В каком-либо из школьных залов?

- На какую тему? - поинтересовался Фрэнк Родденберри.

- Да на любую, лишь бы она была интересной всем, - ответила Джоанна. - Наркотики и наркозависимость, о чем мы все тревожимся и о чем «Кроникл» почему-то предпочитает умалчивать. Или поговорить о музыке и балладах в стиле рок - я, честно говоря, не знаю, что могло бы заставить людей выйти из своих домов, собраться вместе и пообщаться друг с другом.

- Это интересно, - сказал то ли Ансельм, то ли Аксельм. Он склонился вперед, скрестил ноги и яростно тер виски. Он был тощим блондином с блестящими постоянно бегающими глазами.

- А может быть, стоит привлечь к этому также и женщин. Не знаю, известно ли вам, но в смысле дефицита беби-ситтеров наш город - буквально зона бедствия.

Все засмеялись, а Джоанна почувствовала приятное облегчение. Она предложила еще несколько тем, подходящих для организации собраний; Уолтер, а вслед за ним и Херб Сандерсен тоже предложили что-то. Были высказаны идеи, которые могли бы лечь в основу новых проектов. Она приняла участие в их обсуждении, и мужчины (кроме Коуба, черт бы его побрал) отнеслись к ее словам с большим вниманием – Аик Мацард, Фрэнк, Уолтер, Клод и даже Херб смотрели на нее во все глаза, кивали головами, соглашаясь с нею, либо задавали ей заумные вопросы, а она, очень довольная впечатлением, которое произвела, весело, остроумно и благожелательно отвечала на них. Посторонитесь-ка, Глория Стайнем! [12 - Глория Стайнем (р. 1934) – лидер феминистского движения в США, активный борец за права женщин. Свои взгляды по вопросу борьбы за равноправие женщин изложила в книге «Революция изнутри: Пособие по самооценке» («Revolution from Within: A Book of Self-Esteem»).]

Она, с удивлением и смущением, заметила, что Мацард делает наброски ее портрета. Сидя в кресле (возле все еще уставившегося в потолок Дэйла Коуба), он водил голубой ручкой по странице блокнота, расположенного у него на колене, попеременно бросая цепкие взгляды то на ее лицо, то на свой набросок.

Аик Мацард! Рисует ее!

Мужчины сидели молча. Они смотрели в стаканы, вертели в них нерастаявшие кубики льда.

– Послушайте, – сказала Джоанна, смущенно улыбаясь и ерзая на кончике дивана, – я ведь не девушка в стиле Айка Мацарда.

– В стиле Айка Мацарда любая девушка, – парировал Мацард с улыбкой.

Она взглянула на Уолтера. Он смущенно улыбнулся и пожал плечами.

Она снова, не поворачивая головы, перевела взгляд на Мацарда, а затем на остальных мужчин. Они, улыбаясь, смотрели на нее, но за их улыбками проглядывало легкое раздражение.

– Да, – сказала она, – это означает конец обсуждения.

– Расслабьтесь, вы можете двигаться, – обратился к ней Мацард; перевернув страницу, он принялся за новый эскиз.

Заговорил Фрэнк:

– Я не уверен, что еще одно поле для игры в б-бейсбол так уж необходимо.

Джоанна услышала, как Ким закричала «Мама!», но Уолтер погладил ее по руке, поставил свой стакан на столик, встал и, извинившись, вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Герман Роршах (1884–1922) – швейцарский психиатр, разработавший систему личностных психологических тестов («Тесты Роршаха»), направленных на изучение характера, способностей и потребностей организма. Метод Роршаха основан на толковании ассоциаций, которые вызывали у испытуемого чернильные пятна определенной формы и цвета. Возможно, Джоанне пришла на ум повесть Рэя Брэдбери «Рубашка с тестами Роршаха».

2

Дискриминация по половому признаку, в данном случае дискриминация женщин.

3

Строчка из известной детской песенки «Сияй, мигай, звездочка» («Twinkle, Twinkle, Little Star»).

4

Домохозяйка (нем.).

5

Кейт Миллет (1934–2017) – известная в США активистка Движения за права женщин. В своей книге «Сексуальная политика» («Sexual Politics», 1970) она дала расширенное применение термина «политика» по отношению к сексуальности, телу, эмоциям и многим другим социокультурным сферам, считавшимся до того аспектами индивидуальной, «личной жизни».

6

Американцы используют термин «колониальный» применительно к архитектурному и другим стилям XVIII века, в то время как англичане называют его «георгианским».

7

Песня, написанная Оливером в соавторстве с Кру («Good Morning Starshine») для бродвейского мюзикла «Волосы» («Hair») и буквально сразу ставшая хитом.

8

Песня Бина Кросби («MacNamara's Band»).

9

«Герои Хогана» – американский телесериал («Hogan's Heroes»), рассказывающий о приключениях времен Второй мировой войны.

10

Пол Ньюман (1925–2008) – популярный американский киноактер и режиссер.

11

Гарри Марковиц (р. 1927) – американский экономист, специалист по теории финансов, лауреат Нобелевской премии (1990 г.). Переселенцы из Восточной Европы часто меняли свои фамилии, придавая им более английское звучание.

Глория Стайнем (р. 1934) – лидер феминистского движения в США, активный борец за права женщин. Свои взгляды по вопросу борьбы за равноправие женщин изложила в книге «Революция изнутри: Пособие по самооценке» («Revolution from Within: A Book of Self-Esteem»).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/ayra-levin/stepfordskie-zheny>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)